

(ПП: это идиома «Дело, задуманное у восточного окна, обнаружилось». обр. тайное злодейство стало явным, злое дело обнаружилось, история вышла наружу (по легенде о том, как Цинь Гуй, сговорившись с женой у восточного окна своего дома, погубил Юэ Фэя. И, хотя он тщательно скрывал это, его злодеяние стало всем известно))

Цин Янь услышал шаги рядом с телегой, а затем голос молодого мужчины:

— Брат, это я, Цинси.

Дальше скрываться было бесполезно. Цин Янь стиснул зубы, заставил себя отбросить одеяло и увидел стоящего у задней части телеги Юй Цинси. Тот смотрел на него пристально, не отводя глаз.

Цин Янь неловко рассмеялся:

— Такая холодная погода, я просто грелся под одеялом.

Юй Цинси, увидев его улыбку, попытался улыбнуться в ответ, но его лицо выдавало напряжение. Он опустил голову, его взгляд потускнел.

— В день твоего возвращения домой я думал, что ты придешь. Даже спрятал для тебя кое-что вкусное...

Цин Янь мысленно закатил глаза: «А почему я не пришел домой? Формально, конечно, из-за тебя, сопляка!» Но вслух он, сдержанно улыбаясь, ответил:

— Как у тебя дела на экзаменах в уезде?

Юй Цинси покачал головой:

— Я не пошел на уездный экзамен. Отец сказал, что сейчас идти только зря тратить деньги и провизию. Лучше подготовиться еще год, а потом уже наверняка.

Цин Янь давно подозревал, что даже этот предлог о сдаче экзамена — не более чем ложь. Все было и так ясно, но обсуждать это открыто — только портить отношения.

Слушая это, Цин Янь едва не взял дубину, чтобы огреть назойливого брата по голове. Быстро обернувшись, он посмотрел на лицо Цю Хэняня, находившегося у передней части телеги. Тот хмурил брови.

Но Юй Цинси, словно не замечая ничего, продолжал болтать:

— Отец обманывает тебя. Он просто не хочет, чтобы ты возвращался домой с тем человеком...

— Что это за манера разговаривать?! — резко перебил его Цин Янь, выражение его лица стало суровым. — Какой еще «тот человек»? Это твой зять! Я уже хотел сказать: книги читаешь, а ведешь себя, будто все твои знания съели собаки! Видишь человека — поздоровайся, назови как положено!

Юй Цинси потрясенно смотрел на него:

— Брат, ты изменился!

Сердце Цин Яня екнуло. Он уже почти ждал, что этот мальчишка добавит: «Ты не мой брат, я отправлю тебя к монахам, чтобы тебя повесили на дереве и сожгли!»

Однако глаза Юй Цинси покраснели от слез:

— Ты же раньше говорил совсем другое. Когда мать впервые заговорила с тобой об этом браке, ты ведь тайком сказал мне, что лучше умрешь...

— Юй Цинси! — резко перебил его Цин Янь, крикнув так громко, что прохожие вокруг обратили на них внимание. Юй Цинси, явно боясь их взглядов, тут же плотно сжал губы и закрыл лицо руками.

Грудь Цин Яня тяжело вздымалась, и он понизил голос:

— У тебя еще есть что сказать?

Юй Цинси поднял на него глаза, несколько раз открывал рот, но так и не вымолвил ни слова. Неожиданно по его щекам потекли слезы, и он, всхлипывая, произнес:

— Я никчемный, просто никчемный. Мне совершенно не подходит учеба, но отец твердо решил, что я должен учиться, а мать только и говорит, что я обязан быть лучше тебя. Если бы ты в этом году пошел на экзамены в уезд, ты бы точно сдал.

Цин Янь молча смотрел на него, наблюдая, как тот плачет. Он терпеливо ждал, пока тот, чувствуя себя неловко под взглядами прохожих, поспешно смахнул слезы рукавом. Тогда Цин Янь холодно произнес:

— Все всегда решают за тебя? Если ты сам не хочешь идти и считаешь, что это моя обязанность, ты хотя бы попытался уговорить своих отца и мать?

Этот вопрос заставил Юй Цинси остолбенеть. Он замолчал, не зная, что ответить.

Юй Цинси был ничем иным, как презренным корыстолюбцем, извлекающим выгоду из ситуации. Он видел, как несправедливо обходились с братом, и испытывал угрызения совести, но отказываться от уже полученных благ не собирался.

Что же касается того, как его мать подстроила все так, чтобы прежний Цин Янь оказался в ловушке, Цин Янь не верил, что Юй Цинси был совершенно не в курсе. Одного только намека хватило бы, чтобы предостеречь его и не довести до того, чтобы прежний Цин Янь добровольно шагнул навстречу смерти.

Цин Янь не хотел больше с ним говорить. Они так долго разговаривали, но этот мальчишка так и не заметил, насколько сильно изменился его брат. Они жили бок о бок каждый день, и такая слепота не вызывала у него больше ничего, кроме презрения.

Цин Янь развернулся в телеге и перестал смотреть на него. Обернувшись к Цю Хэняню, он с милой улыбкой сказал:

— Муж, поехали.

После сцены, устроенной Юй Цинси, настроение для покупок пропало. По пути Цин Янь то и дело украдкой поглядывал на выражение лица Цю Хэняня. Тот редко позволял эмоциям отразиться на своем лице, и, казалось, сейчас ничем не отличался от привычного, но в душе Цин Янь не находил себе места от беспокойства. Хотя он перебил Юй Цинси и не дал тому сказать больше, Цю Хэнянь был человеком проницательным, и Цин Янь боялся, что тот все-таки уловил нечто важное.

Они почти закончили с покупками, когда, проходя мимо небольшого лотка, торгующего украшениями, Цю Хэнянь внезапно остановился. Он нагнулся и взял в руки одну из шпилек, сделанную из нефрита.

На таком лотке вряд ли можно было найти что-то слишком дорогое. Шпилька была действительно из нефрита, но ее оттенок был бледным, зеленый цвет распределялся неравномерно. Тем не менее материал был хорошего качества, изделие было аккуратно выполнено, с приятным блеском. На солнечном свете шпилька казалась почти прозрачной, излучая легкое сияние.

Цю Хэнянь показал ее Цин Яню, спрашивая:

— Нравится?

Цин Янь слегка замер, но тревожные чувства, что терзали его сердце, словно рассеялись под утренним солнцем. Он радостно кивнул. Тогда Цю Хэнянь повернулся к торговцу, который уже оживленно поднялся со своего места, и с улыбкой на лице спросил цену. Продавец, глядя на Цин Яня, хитро улыбнулся и сказал:

— Молодой господин, у вас отменный вкус! Это лучшая заколка на всем моем лотке. Если вам нравится, отдаю за десять лян.

Как только Цин Янь услышал эту цену, он молча вытащил заколку из рук Цю Хэняня, аккуратно положил ее обратно на лоток и, не говоря ни слова, развернулся и пошел прочь.

Продавец сразу закричал вслед:

— Ладно, восемь лян, пускай будет восемь!

Затем, ударив себя по колену, воскликнул:

— Шесть лян! Шесть лян, и ни монетой меньше!

В итоге, после долгих уговоров, шпилька была куплена всего за три лян серебра.

Цю Хэнянь осторожно вставил шпильку в прическу Цин Яня. Нежный зеленый оттенок камня подчеркивал нежный румянец его лица, делая его кожу еще более белоснежной и прозрачной. Невозможно было понять, что сияет больше — гладкая поверхность нефрита или юношеская кожа.

Цю Хэнянь долго смотрел на Цин Яня, пока светлая кожа гера не начала окрашиваться легким розовым оттенком. Лишь тогда он отвел взгляд.

Последней остановкой их покупок стал книжный магазин. Пока Цин Янь тщательно выбирал старые книги, которые хотел приобрести, Цю Хэнянь уже грузил на повозку связки больших листов красной бумаги.

— Зачем нам столько красной бумаги? — удивленно спросил Цин Янь. — Разве не хватит пары листов, чтобы написать праздничные двустушия?

— Пусть будет в запасе, — коротко ответил Цю Хэнянь.

Что именно он собирался с ней делать, Цин Янь понял только на следующее утро.

В тот вечер они вернулись домой, поужинали и, уставшие от дневных хлопот, рано легли спать.

Накануне вечером Цин Янь замочил сушеные стручки фасоли, которые дал ему охотник Лю. Утром он приготовил жареную лапшу с этими размоченными стручками и добавил туда несколько кусочков мяса дикого кабана. Как только кастрюля закипела, по дому разнесся густой аромат, особенно когда сверху посыпали измельченный чеснок — запах был просто непередаваемым.

Цин Янь съел большую чашку и еще половину, но остаток доесть уже не смог. Половину недоеденной чашки с легкостью подчистил Цю Хэнянь.

Когда с посудой и уборкой дома и двора было покончено, Цю Хэнянь отправился к двору Кузнеца Вана. Цин Янь помог ему растереть тушь, а тот смешал ее с золотым порошком и начал писать праздничные двустишия.

Сначала Цю Хэнянь решил написать для их собственного дома. Он спросил Цин Яня, что бы тот хотел видеть на двустишиях. Цин Янь задумался и ответил:

— Я бы хотел, чтобы мы оба хорошо ели, хорошо спали, чтобы были здоровы, а жизнь становилась все лучше и лучше.

Он на самом деле хотел добавить: «и чтобы наши чувства становились все крепче», но смутился и не осмелился это сказать.

Цю Хэнянь немного поразмыслил, а затем взял кисть и начал писать на заранее подготовленной красной бумаге.

Цин Янь впервые видел, как тот пишет. В этот момент Цю Хэнянь совсем не походил на кузнеца — скорее, на ученого, много лет просидевшего за книгами, или даже на выдающегося мастера каллиграфии. Его почерк был сильным, мощным и свободным, словно парящий дракон или стремительный феникс. Цин Янь смотрел на это с восхищением и даже почувствовал некоторую неловкость перед столь мастерским исполнением.

Когда надпись была завершена, Цин Янь прочитал ее вслух:

— «Небеса даруют счастье, мир и согласие продлятся долго. Четыре времени года полны радости, восемь праздников — здоровья и благополучия».

— Очень красиво, — похвалил он.

После этого Цю Хэнянь написал еще несколько парных надписей: для дома тетушки Ли, семьи Ван Саньяо и старика Лю.

— Ты каждый год пишешь им весенние двустишия? — спросил Цин Янь.

Цю Хэнянь покачал головой:

— Раньше этим занимался господин Чжан, наш сосед. Но недавно он уехал в уезд, не знаю, вернется ли он к Новому году. Вот я и написал для них.

Как только чернила подсохли, готовые надписи разнесли по домам.

После полудня к дому Цю Хэняня начали приходить люди, прося его написать весенние двустиишия. В городе, конечно, есть лавки, где продают готовые, и мастера, которые пишут на заказ, но там это дорого. Да и куда удобнее, когда рядом с домом. К тому же тетя Ли уже похвасталась своими, и все признали, что они выглядят ярче и красивее тех, что продаются в городе.

Когда народу стало слишком много, Цю Хэнянь вынес письменный стол во двор и стал писать надписи в порядке живой очереди.

Посетителям было неудобно приходить с пустыми руками: кто-то приносил яйца, кто-то сухофрукты или конфеты, а некоторые просто оставляли деньги. Однако Цин Янь, чтобы не обременять людей, установил символическую цену — пятьдесят вэнь за одну надпись. Это как раз покрывало стоимость бумаги, чернил и золотой пудры.

Кузница в деревне вызывала у многих зависть, а Цю Хэнянь, будучи приезжим, не был для местных совсем «своим». Цин Янь понимал это и не рассчитывал на прибыль — он лишь хотел завоевать доверие и наладить добрые отношения.

Некоторые приходили с детьми. Ребятишки весело носились по двору, а Цин Янь каждому из них вручал горсть конфет. Родители с улыбкой наблюдали за этим, чувствуя себя уютно и по-домашнему.

Однако не все были столь доброжелательны. Один посетитель пришел с пустыми руками и, узнав о плате, начал недовольно бурчать:

— Господин Чжан в прошлом году за такие надписи просил всего тридцать вэнь. Мы же свои, зачем на своих зарабатывать?

Другие, услышав это, даже не дали Цин Яню открыть рот, сразу резко возразили:

— Ты сам выйди да разузнай, сколько нынче стоит бумага! В городе за пару весенних двустииший минимум сто вэнь запросят. А за такие красивые — и все двести! Если уж кто-то пишет такие, то отвезет их в город продать, это ведь куда выгоднее, чем нам за так просто отдавать! Тебе и то повезло, что согласились написать!

Остальные тут же закивали в поддержку.

Этот человек ничего больше не ответил, очевидно, почувствовав себя неловко. Постояв немного, он потом молча ушел.

Цин Янь также заметил тех самых стариков и старух, которые судачили у колодца, когда он набирал воду. Теперь, встретившись с его взглядом, они выглядели пристыженными, лишь виновато улыбались. Они тихо отдали деньги, забрали свои надписи и, не переставая благодарить, поспешно ушли.

Из дома напротив несколько раз выглядывал Чэнь Юй. На его лице читалась явная зависть. Раньше вся эта суета происходила у него дома — все приходило, крутились вокруг него как звезды вокруг луны. А теперь центр внимания сместился, что не могло его не расстроить. Но его муж должен был вернуться домой лишь под самый Новый год, так что кто-то другой справлялся с этим делом, и возразить он ничего не мог.

Один из соседей, заметив его, окликнул через забор:

— Говорят, уездный писарь заболел, и господина Чжана пригласили временно исполнять обязанности?

Чэнь Юй сдержанно кивнул. Сосед тут же принялся его расхваливать:

— Да, у господина Чжана талант изысканный! Смотрите, может, он там закрепится, а потом и совсем в уездное управление попадет!

Чэнь Юй, услышав это, наконец-то расплылся в улыбке:

— Пока ничего не ясно, вот как все будет, тогда и поговорим.

С этими словами он бросил взгляд на Цин Яня. В его глазах читалось торжество.

Но, как оказалось, Цин Янь даже не обратил на него внимания. Судя по всему, он не слышал ни слова из сказанного. Лицо Чэнь Юя тут же помрачнело.

Цин Янь был так поглощен происходящим, что не мог уделить внимание мыслям Чэнь Юя. Он оказался в затруднительном положении: пришло слишком много людей, все слышали, что он ученый. Кто-то не выдержал и предложил принести еще один стол, чтобы Цин Янь мог тоже начать писать.

Его голова шла кругом, и он не мог вымолвить ни слова. Вдруг за его спиной раздался низкий и спокойный голос:

— Уже поздно. Скажите, что хотите написать, я сделаю это сегодня вечером, а завтра сможете

забрать.

Толпа, услышав это, взглянула на небо. Хотя было еще рано, уже приближалось время готовить ужин. Все согласились и стали расходиться.

Каллиграфия — не то, чему можно научиться за один день. После переселения Цин Янь ежедневно упражнялся, и, хотя прогресс был заметен, до уровня, чтобы писать праздничные надписи, ему было еще далеко.

На этот раз он едва избежал неприятностей и с облегчением похлопал себя по груди.

Когда все разошлись, Цин Янь вместе с Цю Хэнянем убрал вещи и вернулся в дом.

Только когда он поставил варить еду в горшке, до Цин Яня дошло, что что-то было не так. Предложение Цю Хэняня прозвучало как нельзя кстати, настолько, что Цин Янь почувствовал, будто тот заранее знал, что делать, специально помогая ему.

Цин Янь с трудом вспоминал: он же был так осторожен и никогда не писал в присутствии Цю Хэняня, даже во время учебы только слушал, но не задавал вопросов. Как он мог выдать себя?

Он сел на низкую табуретку, потянул за меха и украдкой посмотрел на мужчину, который сидел рядом и подкладывал дрова в печь. Профиль Цю Хэняня, освещенный мерцающим светом огня, был строг и сосредоточен. Его глаза, как глубокие озера, казались полными загадок и тайн.

И тут Цин Янь вспомнил: пару дней назад они вместе наводили порядок перед праздниками. Тяжелую мебель вроде шкафов убирал Цю Хэнянь.

Черт! Цин Янь наконец осознал: он забыл убрать спрятанные в шкафу листы, на которых тренировался в каллиграфии!